

Иванова Н. В. Лексические репрезентации оппозиции «свой — чужой» в духовных старообрядческих стихах / Н. В. Иванова // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 24—36.

УДК 811.161.1'282.2

Лексические репрезентации оппозиции «свой — чужой» в духовных старообрядческих стихах

Н. В. Иванова

Рассматривается религиозная и ценностная модель мира староверов, реконструируемая на материале духовных стихов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения духовных ценностей староверов. Представлены результаты анализа реализации оппозиции «свой — чужой» в духовных старообрядческих текстах. Автор останавливается на том, что староверы вкладывают в понятия «своё», «чужое». Варианты реализации оппозиции описаны в виде семантического поля, в рамках которого выделены следующие секторы: «праведность — грех», «сила крестная — сила христовых врагов», «пустыня — мир», «древность — новшества», «жизнь — смерть». Уделяется внимание раскрытию содержания каждого из противопоставленных в рамках сектора понятий. Поднимается вопрос о связи между выделенными секторами семантического поля и тематическим делением стихов. Приводятся примеры фонетических, словообразовательных, морфологических, лексических признаков церковнославянского языка. Доказано, что противопоставление праведности и греха является центральным вектором реализации оппозиции «свой — чужой». Оно обуславливает актуализацию в стихах связи между оппозициями «свой — чужой» и универсальными семантическими оппозициями «верх — низ», «восток — запад», «правый — левый». Противопоставление «праведность — грех» как центральная реализация оппозиции «свой — чужой» лежит в основе мировоззрения староверов и определяет их линию поведения.

Ключевые слова: духовные стихи; оппозиция «свой — чужой»; семантическое поле; сектор; старовер; антонимическая пара.

1. Духовные стихи как отражение ценностной модели мира староверов

Духовные стихи — это часть традиционной староверческой певческой культуры и уникальный пласт народной поэзии, имеющий две формы бытования: устную и письменную.

Духовные стихи отражают религиозную и ценностную модель мира староверов. Определим её путём анализа реализации оппозиции «свой — чужой» в духовных текстах. Материалом для исследования послужили поэтические тексты духовного содержания, опубликованные в книге Татианы Философовой [Filosofova, 2010], сборниках И. А. Мельникова [Ой вы..., 2011] и Ф. М. Селиванова [Селиванов, 1991].

2. Оппозиция «свой — чужой» в духовных стихах: варианты реализации

Представим реализацию оппозиции «свой — чужой» в духовных стихах в виде семантического поля. Деление данного поля на сектора связано с тематическим делением анализируемых стихов.

Первый сектор представлен в покаянных стихах семантической оппозицией «ПРАВЕДНОСТЬ — ГРЕХ». Она выражена антонимическими рядами *добродетель — сладость, зло; закон, заповедь — грех; благообразие — безобразие*. Значение первого члена оппозиции «праведность» раскрывается через лексемы *добродетель, закон, заповедь, благообразие*, где под словом *закон* понимается Божий Закон. Соблюдающий Закон человек ведёт благую жизнь, совершает добродетельные поступки. Нарушающий Закон творит безобразие, «неподобающее». Слова *сладость, зло*, противопоставленные *добродетели*, приобретают в контексте духовных стихов значение 'грех':

*Теме же обнищавана мя сладостьми,
Житейскими добродетелми мя обогати...*

[Filosofova, 2010, с. 312].

Члены антонимических пар, раскрывающие семантику компонента оппозиции «праведность», сопровождаются словом *свет* и его дериватами: ...*И свету твоихо заповедеи направи, настави мя* [Filosofova, 2010, с. 314].

Компонент оппозиции «грех» характеризуется словами *мрак*, *тёмность*:

*Тартар глубок, разум тугой,
Мрак и тёмность, свар, спор, и дерзость.
С вами разделитиша особь житии сотвориша.*

[Filosofova, 2010, с. 315].

Свет, добро всегда ассоциируются с Богом, тьма и зло — спутники сатаны. За этим стоит противопоставление «Бог — сатана».

В «Духовных гимнах» представлен **второй сектор** семантического поля — оппозицией «СИЛА КРЕСТНАЯ — СИЛА ХРИСТОВЫХ ВРАГОВ»:

*Силою крестною в жизнь бесконечную
Нас, всемогущий, введи.
Христовой врагов силу злую,
Церкви, Боже, от нас удали.*

[Filosofova, 2010, с. 318].

Крестная сила — это сила Животворящего Креста и крестного знамения.

Под силой христовых врагов может пониматься всё, что не осеено крестом. Всё это будет врагом, «чужим».

В «Агиографических сюжетах» представлен **третий сектор** семантического поля — оппозицией «ПУСТЫНЯ — МИР». Слово *пустыня* в духовных стихах, в языке староверов вообще, приобретает особое значение. Под *пустыней* понималось уединённое, отдалённое место, куда удалялись для совершения духовного подвига герои житийной и апокрифической литературы. Идея ухода от «пагубного» мира как единственного пути к спасению, тесно связанная с проблемами осознания греховной сути человеческого бытия, покаяния и спасения души, является одной из основополагающих

идей, на которых основывается мировоззрение старообрядцев [Filosofova, 2010, с. 103].

Пустыня и мир характеризуются в духовных стихах посредством сравнительных оборотов: *пустыня, яко любимая мати — мир, яко прелестная блудница, яко скверная блудница*:

*Была нам пустыня, яко любимая мати,
А ныне нас мир научил ю забывати.*

[Filosofova, 2010, с. 353];

*Мир, яко прелестная блудница, сладко нас прельщает,
Но последи на вечные муки нас отсылает.*

[Там же].

Пустыня в духовных стихах, с одной стороны, — это мать-земля. Христианизируясь, мать-земля превращается в пустыню — девственную мать [Федотов, 1991, с. 72]. С другой стороны, пустыня принимает на себя богородичную функцию защиты человека от сил зла [Философова, 2010, с. 103].

Мир полон греховных страстей и наслаждений, поэтому он сравнивается с блудницей, прельщающей человека. Семантика слова *мир* раскрывается через существительные *сласти, роскошь, пороки, страсти*. Употребление слов в форме множественного числа подчёркивает обилие мирских соблазнов, искушений, порождающих грех:

*В мир сластей и роскошей пути широки,
В нас рождают великия пороки.*

[Filosofova, 2010, с. 353].

Достаточно часто употребляется слово *прелесть* и его дериваты *прелестный, прельщает*. В данных словарных единицах в контексте духовных стихов актуализируется значение ‘соблазн, соращение от злого духа’. Прелестный мир ведёт человека к духовной гибели, спастись от которой можно только уединившись в пустыне.

Прелестному и злему противостоит прекрасное. Слово *прекрасный* прилагается в духовных стихах к лексемам, обозначающим ограниченный круг объектов: это рай или пустыня, сад в пустыне. Пре-

красная мати-пустыня, где спасается человек, противопоставлена прелестному, злему и грешному миру. Слова *прекрасный, прелестный*, являющиеся синонимами в речевом узусе, в духовных стихах староверов вступают в антонимические отношения.

Духовные стихи, объединённые в тематическую группу «История русского старообрядчества», посвящены событиям раскола Русской Православной Церкви. Сектор семантического поля «свой — чужой», который мы можем здесь выделить, обозначен оппозицией «древность — новшества». Она передаёт важный для староверов постулат об истинности и неизблемости их веры, сохранившейся с древнейших времён. Нововведения не были приняты староверами, считались нарушением Христова Закона, отступлением от Церкви, то есть стали «чужими». «Своим» же остаётся верность старым церковным канонам.

Многие стихи этого цикла строятся на антитезе, чтобы подчеркнуть неприятие нововведений:

Вместо Христова креста – крыж латынский,

За святая иконы – картины.

Обладали святыми местами вместо учителей – злые мучители,

Издали своё лжеучение вместо святых поучений;

За крещение – обливание,

Вместо ладану – табак мерзкую;

В знамение креста двоеперстного –

Щепоть гнусную троеперстную;

За благолетие – брадобритие...

[Селиванов, 1991, с. 97].

Понятиям и реалиям, которые были и являются для староверов «своими», принятыми на веру и не поддающимися сомнению, противопоставлены новые, «чужие».

Антонимические пары, раскрывающие оппозицию «древность — новшества» в данном отрывке, включают внеязыковые антонимами, они противопоставлены только в сознании староверов: иконы — кар-

тины, учителя — мучители, крещение — обливание, ладан — табак, крест — щепоть, благолепие — брадобритие.

Для обозначения «своих» понятий в стихе используется церковнославянская лексика: *свет, святой, крещение, ладан, благолепие*. Для именованя «чужого» используется или русская, или заимствованная лексика. Чтобы подчеркнуть чуждость нововведений, их отдалённость от настоящей веры, православным-никонианцам отказано даже в использовании слова *крест*. Оно заменено заимствованием из польского языка *крыж*, указывающим на первых отступников от истинной веры — католиков. Выбор лексики свидетельствует о том, что православные, во-первых, отошли от церковной сферы в сферу мирскую, во-вторых, подверглись чуждому влиянию.

В другом стихе оппозиция «древность — новшества» характеризуется антонимическими парами «истина — ложь, ересь»; «христиане — басурмане»:

*После вашего от святой церкви отступления
Старообрядцы, без сомнения,
Не сделали такими басурманами,
А остались истинными же христианами.*

[Filosofova, 2010, с. 362].

Свою веру старообрядцы считают единственно правильной, непреложной истиной, а себя — истинными христианами. Реформы Никона считаются ложью, а их сторонники — басурманами, то есть нехристианами. Использованное слово, иноязычное по происхождению, подчёркивает отрицательное отношение к сторонникам реформ, их чуждость для староверов.

В группе «Большая эсхатология» мы можем выделить сектор семантического поля «свой — чужой», представленный оппозицией «праведность — грех», с которой мы встречались в группе «Покаянные стихи». Это совпадение неслучайно, так как тема покаяния тесно связана с наказанием за совершённые и непрощённые грехи. Страшный Суд — это последний суд, совершаемый над людьми с целью вы-

явления праведников и грешников. Иисус Христос будет судить живых и мертвых, после чего праведники пойдут в царство небесное, а нераскаявшиеся грешники — в вечные муки ада. Поэтому основные антонимические пары, представляющие оппозицию, — «праведники — грешники», «жизнь вечная — мука вечная», «рай — пропасть». Господь неумолим по отношению к грешникам. Он отправляет грешников в вечный огонь, уготованный для их отца сатаны:

*Вас сошлю в огонь со смолою
Со отцем вашим сатанюю.*

[Filosofova, 2010, с. 405].

К праведникам же обращается кротким голосом, называя Себя их отцом:

*Речет Господь ко праведным кротким гласом,
Якоже отец к своим чадам:
— Придите вы в радость вечну со архаггелом.*

[Filosofova, 2010, с. 405].

Таким образом, за оппозицией «праведники — грешники», как и в Покаянных стихах, стоит противопоставление «Бог — сатана».

Утверждается, что Иисус Христос дал человеку Закон, по которому следует жить, и показал два пути, которые человек выбирает сам: один ведёт в рай, другой — в ад. В зависимости от того, какой жизненный путь выбирает человек: следовать Закону Божьему или нарушать его — находится решение о дальнейшей участи его души:

*Одни пойдут в Царство в Небесное, радость,
Другие пойдут в пропасть, в вечную муку.*

[Ой, вы..., 2011, с. 34].

Для рая в текстах духовных стихов встречаем именованья *Царство Небесное, радость, веселье*, для ада — *пропасть, тартар, геена*.

В стихах содержатся следы представлений о вертикальной и горизонтальной системах расположения рая и ада: их место на небе и в преисподней, а иногда — на востоке и западе. В связи с этим име-

ет место пересечение оппозиции «праведность — грех» с оппозициями «верх — низ», «восток — запад». Небо, Царство Небесное — светлый верх; противоположное ему — тёмный низ, ад. В народном же сознании верх наделён символическими признаками «хороший», «жизненный, а низ — «плохой», «смертельный» [СД, т. 2, с. 345]. Соотношение «хороший — плохой» определяет смысловую символику востока — святость, праведность, справедливость, жизненность — и запада — нечистота, неправедность, смертность. По народным представлениям, восток — жилище Бога, запад — сатаны. Если идти всё время на запад, можно дойти до ада, а на восток — до рая [СД, т. 1, с. 445]:

*С востоку рай светел праведных стретил...
...Грешные восплачут и жизнь свою проклянут,
Ко западу пойдут и люто восстонут.*

[Ой, вы..., 2011, с. 55].

В стихах эсхатологического цикла оппозиция «праведность — грех» пересекается ещё с одной универсальной оппозицией «правый — левый»:

*Все вы праведные души,
Станьте с правой стороны,
А по левую идите
На потеху сатаны.*

[Ой, вы..., 2011, с.41]

По поверьям, на левой чаше весов взвешиваются людские грехи, на правой — добрые дела. За правым плечом находится ангел, направляющий человека к добродетельным поступкам и охраняющий его от греха и опасностей, а за левым плечом — дьявол (бес, черт, нечистая сила), склоняющий человека к греху и ввергающий в опасность [СД, т. 4, с. 233].

Таким образом, противопоставление «правый — левый» понимается здесь как противопоставление «праведность — грех» и связывается с противопоставлением Бога и дьявола.

«Малая эсхатология» — это стихи о смерти, о расставании души с телом, о посмертном суде над каждой душой. Следующий сектор семантического поля «свой — чужой» представлен здесь оппозицией «жизнь — смерть»:

*О, коль наше на сем свете житие плачевно,
Коль скоро и коль кратко, аки однодневно!
...Смерть немедленно лишит нас здешняго света,
Отимет все прекрасные, забавные лета.*

[Ой, вы..., 2011, с. 30].

Образ смерти характеризуется эпитетами: неумолимая, лютая, гневливая, немилостивая, страшная.

Понятие «жизнь» включает два этапа: земная жизнь (для человека) и вечная жизнь (для души). Смерть лишает человека земной жизни, но остаётся надежда на вечную жизнь души.

Как и все духовные стихи, стихи группы «Малая эсхатология» имеют назидательный характер. Изображается путь спасения души от вечных мук. Говорится о том, что о спасении души необходимо заботиться при жизни, а не перед смертью: соблюдать заповеди Господни, каяться в грехах:

*Но токмо тогда помогут ей заповеди Господни.
И аще кто их сохранит,
Той небесного царствие себе не лишит.*

[Filosofova, 2010, с. 389].

Мотив спасения души связывает стихи Малой эсхатологии с «Покаянными стихами» и Большой эсхатологией, поэтому и в этой группе находит свою реализацию оппозиция «праведность — грех».

Наиболее ярко эта оппозиция представлена в «Стихе о умилении душевном» [Философова, 2010, с. 384]. Он содержит призыв позаботиться о спасении души, которая всегда должна быть готовой к смертному часу. Далее идёт подробное перечисление «прелестей жития мирского», которых следует избегать, так как они являются грехом. Вторая часть стиха представляет собой перечисление добро-

детелей. Исполнение добродетелей — образец праведного поведения старовера в земной жизни, которое избавит от вечных мук и уготовит царство небесное.

Сектор «праведность — грех» представлен и в тематической группе «Старообрядческая сатира». Сатирическая поэзия старообрядцев развивалась в двух направлениях. Прежде всего, объектом обличения стала сама Православная Церковь — виновница реформ. Яростным нападкам подвергаются не только все новые церковные порядки, но и новые бытовые реалии. Всё это ассоциировалось с «нико-нианским» миром, существовавшим за пределами старообрядческой общины. Всё, что исходило от этого мира, воспринималось в старообрядческой среде как «чужое», греховное, то есть исключительно негативно. Другим объектом для сатиры стали человеческие пороки и грехи, многочисленные слабости и моральные изъяны человека.

3. Церковнославянский язык духовных стихов

Духовные стихи в старообрядческой среде сочинялись на церковнославянском языке. Об этом свидетельствуют фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические признаки, характерные для церковнославянского языка. Фонетические: неполногласные формы — *пред, злато, серебро, праздность, слава, смрад, по-мрачила, прежде*; палатализация — *друзи*; щ вместо ч- — *помощь*; жд вместо ж — *хождение*; начальная я — *ядение*. Морфемные: существительные с суффиксами *-ениј-, -аниј-* — *умиление, деяние, осуждение, напыщение, небрежение, легание, одяние, моление, поклонение, укрывание, питание*; с суффиксом *-иј-* — *пришествие, из-витие*; окончания прилагательных — *добраго, сквернаго, бесчинныя*; суффиксы *-уц-, -юц-, -яц-, -ем-* — *будущее, стоящи, взирающи, по-мышляющи, знаемы*; приставка *раз-* — *разлучитися, неразсудное*; приставка *пре-* — *превечная*. Словообразовательные: сложные слова — *сребролюбие, злословие, срамословие, острожелчие, красноречие, тщеславное, драгоценное, грехолюбцы*. Морфологические: зва-

тельный падеж — *сыне, господине*; формы местоимений — *аз, мя*; глагольные формы — *потрясеся, распадеся, приидеши, напоиша*. Лексические: *злоба, гнев, пиянство, гордость, буеть, тягость, молитва, память*.

Использование церковнославянского языка говорит о стремлении подчеркнуть связь стиха со священным писанием, придать произведению высокий стиль, указывает на их книжную основу и на желание староверов, сделав его «своим», противопоставить русскому как не являющемуся языком «Боговдохновенной истины» и латинскому как языку католичества.

4. Заключение

Таким образом, в рамках семантического поля «свой — чужой» в духовных стихах выделены следующие секторы: «праведность — грех», «сила крестная — сила христовых врагов», «пустыня — мир», «древность — новшества», «жизнь — смерть». Шире других представлен сектор «праведность — грех», встречающийся в нескольких группах стихов: покаянных, сатирических, Малой и Большой эсхатологиях.

Фольклорист и этнолингвист С. Е. Никитина также отмечает, что одним из стержневых противопоставлений в духовных стихах является противопоставление добра и зла, или праведности и греха. Борьба добра и зла, по её мнению, разыгрывается в человеческой душе и результат этого противоборства определяет посмертную судьбу — спасение или вечную муку. Для С. Е. Никитиной при этом главным является оценочный аспект, а не нормативный. Она разделяет оппозиции «свой — чужой» и «праведность — грех», считая, что противопоставление «свой — чужой» формирует структуру светских фольклорных жанров [СД, т. 2, с. 153]. Мы же рассматриваем противопоставление праведности и греха как центральную реализацию оппозиции «свой — чужой» и считаем нормативный аспект главным в духовных стихах староверов.

Верность древней истинной вере, уход от соблазнов мирской жизни и посвящение себя молитве, соблюдению Божьего Закона, совершению добродетелей, забота о спасении души — это основные составляющие мировоззрения староверов, то, что является для них «своим».

Нарушение Божьего Закона, церковные и бытовые нововведения, связанные с реформой Никона, негативно оцениваются староверами, являются для них «чужим».

Таким образом, духовные стихи занимают важное место в культуре староверов. Анализ реализации оппозиции «свой — чужой» в духовных стихах позволяет сделать выводы о мировоззрении староверов, системе старообрядческих морально-нравственных ценностей.

Источники и принятые сокращения

1. СД — *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

Литература

1. *Духовные стихи Воронежского края*. — Воронеж : Научная книга, 2011. — 282 с.

2. *Жилко А. Н.* Духовные стихи в старообрядческой среде Латвии / А. Н. Жилко // *Русские в Латвии : из истории культуры и староверия*. — Рига : Веди, 2003. — С. 162—172.

3. *Никитина С. Е.* Исследование устной культуры старообрядчества : итоги и перспективы / С. Е. Никитина // *Живые традиции : результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества*. — Москва, 1998. — С. 30—36.

4. *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — Москва : Наука, 1993. — 192 с.

5. *Никитина С. Е.* Ценностная картина мира в духовных стихах / С. Е. Никитина // *Устные письменные традиции в духовной культуре народов : тезисы докладов*. — Сыктывкар, 1990 — Ч. 1. — С.59—61.

6. *О, встрепенись душа...* : духовные стихи / ред. П. П. Алексеев. — Рига : Poligrāfists, 2014. — 152 с.

7. *Ой вы, братья мои, сестры...*: духовные стихи староверов Новгородской области / сост. И. А. Мельников. — Москва : Великий Новгород : Археодоксия, 2011. — 178 с.

8. *Поздеева И. В.* Вера и духовная поэзия русского старообрядчества / И. В. Поздеева // Культура русских липован в национальном и международном контексте : сборник научных сообщений Международного научного симпозиума ОРЛР, состоявшегося в Тульче (12—14 июня 2009 г.). — Бухарест : CRLR, 2011. — С. 272—291.

9. *Родная старина*. — Москва : Третий Рим, 1997. — 145 с.

10. *Селиванов Ф. М.* Стихи духовные / Ф. М. Селиванов. — Москва : Советская Россия, 1991. — 336 с.

11. *Селиванов Ф. М.* Духовные стихи в системе русского фольклора / Ф. М. Селиванов // Русский фольклор. — Санкт –Петербург, 1996. — С. 31—35.

12. *Федотов Г. П.* Стихи духовные : русская народная вера по духовным стихам / Г. П. Федотов. — Москва : Прогресс, Гнозис, 1991. — 190 с.

13. *Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland / T. Filosofova. — Köln, Weimar, Wien : Böhlau Verlag, 2010. — 464 s.

© **Иванова Наталья Вячеславовна (2014)**, магистр филологии, докторант, Даугавпилсский университет (Даугавпилс), natalja1969@inbox.lv.